

ОТЗЫВ

научного руководителя на выпускную квалификационную работу А. В. Моисеевой
«Категория лица в гилянском языке (на материале пословиц)»

Основная цель работы А. В. Моисеевой состояла в привлечении нового для отечественной иранистики лингвистического материала к исследованиям гилянского языка (гиляки), относящегося к прикаспийской подгруппе северо-западных иранских языков. Этот материал представлен текстами гилянских пословиц и поговорок из обновленного собрания М. Пайанде-Лангаруди (Тегеран, 1995). Язык гиляки, на котором, по мнению Д. Стило (2001), говорят примерно три миллиона жителей иранской провинции Гилян, к настоящему времени изучен достаточно основательно, но, как справедливо отмечает А. В. Моисеева, преимущественно только в его «столичном» (западном) диалектном варианте – решти, тогда как в упомянутый сборник пословиц включены также тексты на других диалектах – восточном лахиджани и «горном» дейлеми/галеши. Таким образом с помощью данных, зафиксированных иранским издателем пословиц М. П.-Лангаруди, А. В. Моисеева имела в распоряжении материал для сравнительного анализа, в чем также заключается новизна этой работы.

Автор использовала все основные доступные исследования по гилянскому языку, среди которых доминируют труды отечественных филологов-иранистов – В. С. Расторгуевой, Д. И. Эдельман, В. И. Завьяловой и др., а также, видимо, последнюю обзорную работу в этой области – статью Д. Стило из *“Encyclopedia Iranica”*, также в описании гиляки опирающуюся на данные по его западному диалекту решти.

Синхронное дескриптивное и сравнительное исследование текстов гилянских пословиц и поговорок в работе А. В. Моисеевой выполнено в рамках одной категории – персональности. Соответственно в двух собственно исследовательских главах работы рассмотрены способы выражения этой категории посредством личных местоимений (указательных для 3 лица) и личных окончаний в различных глагольных видовременных формах. Главное внимание автор уделяет морфологии и семантике исследуемых языковых единиц, но также, опираясь на их транскрипционную передачу, затрагивает и фонологическую составляющую, приходя к общему выводу о том, что диалектные расхождения в гиляки, относящиеся к маркерам лица, сводятся исключительно к фонетической вариативности. Системность этой вариативности позволяет обозначить конкретные изоглоссы соответствующих языковых явлений, причем, как правильно замечает А. В. Моисеева в заключении, такие изоглоссы могут выходить за пределы границ собственного гилянского языка и пересекаться с аналогичными явлениями в соседних иранских прикаспийских языках и диалектах, распространенных в провинциях Гилян, Мазандаран, Зенджан и Семнан. Любопытно, например, проследить отражение как фонетических, так и морфологических единиц выражения категории лица в так называемых промежуточных диалектах, возможно, самостоятельных локальных идиомов Тонокабона и Калардашта, расположенных в пограничной зоне между гилянским и мазандеранским языками.

Теоретические элементы работы сосредоточены в главах 1 и 2, где А. В. Моисеева приводит общую характеристику категории персональности, опираясь главным образом на труды А. В. Бондарко и Н. Б. Вахтина (1991), а также делает беглый экскурс в историю развития грамматических форм лица в иранских языках, суммируя сведения, почерпнутые из фундаментального «Опыта историко-типологического исследования иранских языков» (1971) под редакцией В. С. Расторгуевой.

Следует отметить также приложенный к работе словарь гилянских пословиц, использованных в работе в качестве иллюстративного материала. Словарь включает 90 идиоматических выражений в транскрипции с переводами на русский, краткими пояснениями их смысла и указанием на диалектную принадлежность.

Выпускная работа А. В. Моисеевой «Категория лица в гилянском языке (на материале пословиц)» отвечает необходимым квалификационным требованиям и может претендовать на высокую оценку.

Профессор кафедры
иранской филологии
М. С. Пелевин

30.05.2016